

**Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное
государственное автономное образовательное учреждение высшего образования**

«СЕВЕРО- КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт Гуманитарный институт

Кафедра отечественной и мировой литературы

УДК 1751

ОТЧЕТ ПО ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМУ ПРАКТИКУМУ

**(практика по получению профессиональных умений и
опыта профессиональной деятельности)**

**Тема: Изображение героя гамлетовского
типа в рассказе Я. В. Абрамова "Гамлеты - пара на грош" (традиции и
новаторство)"**

Выполнил:

Студент 4 курса

группы ФИЛ-б-о-17-2

Направление подготовки

45.03.01 Филология направленность (профиль)

«Отечественная филология» очной формы обучения

Бондаренко Григорий Николаевич

Руководитель практики:

Профессор кафедры отечественной и

мировой литературы,

доктор филологических наук Головкин В.М.

Ставрополь, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Пьеса Уильяма Шекспира «Трагическая история о Гамлете, датском принце» повлияла на развитие всей мировой литературы. В России ею вдохновлялись выдающиеся писатели, публицисты и идеологи, такие как Иван Сергеевич Тургенев, Антон Павлович Чехов и Яков Васильевич Абрамов. Была заложена целая традиция изображения героя гамлетовского типа: было написано множество рассказов, статей и речей. Каждый автор вносил новаторские черты в этот образ, которые соответствовали времени написания отдельного произведения. В соответствии с изменением идеологических, культурных и философских условий были созданы уникальные «русские Гамлеты», но в то же время имеющие общее «ядро», связующее их с прототипом. В данной работе мы рассмотрим то, как мастерски был изображён данный тип героя Яковом Васильевичем Абрамовым в рассказе «Гамлеты - пара на грош».

Часть первая. Традиции изображения героя гамлетовского типа в рассказе Я. В. Абрамова.

Выдающиеся Писатели и мыслители России обращались к теме «гамлетизма»: Иван Сергеевич Тургенев, Яков Васильевич Абрамов, Антон Павлович Чехов. Данный тип личности путешествует из романа в роман, из рассказа в рассказ, видоизменяясь в соответствии с эпохой и страной, в которой он снова появляется на свет, но храня при этом своё философское «ядро». Но что же столько важного в сущности данного образа? В чём тот заключается вечный интерес величайших творцов России и мира к нему?

Зачастую сложно выделить главные особенности личности среди нескольких родственных образов, Но на контрастном фоне антипода основные черты характера просвечиваются явно. Этим воспользовался Иван Сергеевич Тургенев, в статье-речи «Гамлет и Дон-Кихот» он прибегает к психоаналитическому методу, противопоставляя друг другу два диаметрально полярных образа. Дихотомия Гамлета и Дон-Кихота позволяет выделить их мировоззренческий базис. Рассмотрим, в чём он заключается.

Тургенев пишет, что поведение человека определяется системой ценностей. Она может быть отрефлексирована её носителем и скорректирована, в противном случае деятельность субъекта становится неосмысленной. Но и рефлексия в свою очередь должна иметь твёрдые основы: опираться на категории. Они могут быть созерцательными, тогда мы говорим о мировоззрении с опорой на своё внутреннее «Я», либо действенными, в таком случае имеет место быть направленность мышления, а соответственно и вектора поведения вовне, за пределы своего тела. Гамлет по мнению Ивана Сергеевича относится к первому типу людей, данный персонаж рефлексировать с опорой на себя, свои чувства. Это

атеистический, циничный подход. Необходимо оценить то, что Тургенев произнёс эту статью-речь на столетие ранее, чем Я-центристская мысль в психологической науке покорит западный мир и Россию, выразившись в труды Эриха Фромма, Эрика Берна, в России - Михаила Литвака. Именно Я-центризм является главным понятием в понимании Гамлета в мировой культуре. По этому критерию Он противопоставлен Дон-Кихоту.

Следует заметить, что методология Ивана Сергеевича Тургенева Вызывает вопросы, а потому может быть более детально разобрана. Он пишет: «... что выражает собою Дон-Кихот? Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся вне отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв...» - Выводим из этой цитаты идейную направленность как одну из основных черт характера данного образа. Далее мы читаем: «Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам - волшебникам, великанам, т. е. притеснителям.» - в этом характеристике мы видим социальную направленность. Так же Тургенев пишет об «умилительная его [Дон-Кихота] набожности». Обобщаем три суждения и получаем три соответствующие направленности вовне: идейную, социальную, религиозную. Являются ли они неотделимыми друг от друга или мы можем говорить о трёх самостоятельных направленностях, а соответственно и о трёх типах личности, сконцентрированных в одной теле по принципу непротиворечия? Если мы предположим верность нашего предположения, то получим четыре направленности: Я-центризм (по Тургеневу), идео-центризм (созвучно с типизацией культур Питирима Сорокина), социо-центризм (по Тургеневу), Бого-центризм (по Константину Павловичу Петрову). Кроме того, социо-центризм как явление может быть разобран на подтипы. Эрих Фромм в книгу «Искусство любить. Исследование природы любви.» вводит в психологию понятие «расширенный эгоизм», которое может быть применимо для героя гамлетовского типа. То есть Гамлет, как пишет Иван Сергеевич, не может любить, так как данный тип героя не выходит за границы своего «Я», но эти границы могут быть расширены, а в них заключён ещё один человек. С точки зрения Фромма такой тип отношения любовью не является. Поэтому встаёт вопрос о введении ещё одного подтипа направленности личности - фамилия-центризм (от лат. familia - семья) Данные вопросы могут лечь в основу самостоятельного исследования. Ответы на них помогут глубже понять тему гамлетизма.

Анализировать принца датского и хитроумного идадьго неизученной методологией невозможно. Поэтому обратимся к «Ноомахии» философа Александра Гельевича Дугина. Согласно ей любую цивилизацию можно отнести к одному из трёх логосов: Аполлона, Кибелы и Диониса, которые описывают цивилизационные ценности: идеалистические,

материалистические, синкретические. Каждый отдельный представитель культуры в той или иной степени является носителем соответствующего культурного кода, в то же время каждый литературный персонаж является собирательным образом, поэтому мы применим данный подход для анализа образов Гамлета и Дон-Кихота. При этом творенье Шекспира очень чётко попадает под критерии логоса Кибелы (материалистического), а созданный Мигелем де Сервантесом рыцарь явно несёт в себе черты логосы Аполлона (идеалистического). Уместно вспомнить анализ мужских и женских ценностей философа Гейдара Джемала, который утверждает, что «аргумент тела» является основной категории женского мышления, что соответствует функции материнства. Он проявляется в стремлении к безопасности, стабильности, предсказуемости. Мужество, напротив, проявляется в «аргументе духа», что реализуется в воинственности, склонности к авантюре, соревнованию, достижениям. Данный подход описан Джемалем на основе Корана, но при этом очень чётко, «резонируя» с «Ноомахией» Дугина, описывает Гамлета и Дон-Кихота. Резюмируя можно сказать, что принц Датский - это женственный образ, а его антипод - архетипично мужской.

Кроме проблемы типизации героев интересным остаётся тот факт, что Алонсо Кехана является ярким комичным образом. Об этом Иван Сергеевич пишет: «под словом "Дон-Кихот" мы часто подразумеваем просто шута, - слово "донкихотство" у нас равносильно с словом: нелепость, - между тем как в донкихотстве нам следовало бы признать высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны.» Почему в западноевропейской цивилизации человек живущий для других занимает столь позорное место в культуре? Не есть ли это, если воспользоваться методологией Александра Гельевича Дугина, индикатором борьбы логосов? Формирующаяся с момента церковной реформации цивилизация великой матери борется с проявлениями мужского начала в себе: мужество становится общественно порицаемым. Данные вопросы также могут стать почвой для отдельных исследований.

В свете представленного понимания становятся ясными многие другие проявления личностных характеристик Гамлета: рефлексии, уровень интеллекта выше среднего, бездеятельность, творческое бесплодие, семейная неустроенность.

Разберём эту многогранную мысль по пунктам.

Очень интересны грани понимания данного вопроса открывает для читателей и исследователей Антон Павлович Чехов. В рассказе «Гамлет» на Пушкинской сцене» описан профессор, который, устав от работы, отправляется пить вино в компании хорошенькой пухлой француженки. Герр профессор осознанно совершает глупость, чтобы «проветрить атмосферу». Обратимся к философу, который занимался детальным описанием разных

проявлений глупости. Эразм Роттердамский в сатире «Похвала глупости» иронично доказывает, что плотские утехы есть проявление мории (Об этом также пишет Иван Сергеевич в статье-речи, утверждая, что «лучшие люди спасались стоицизмом»). Но мы знаем, что герой гамлетовского типа - это образованный человек, соответственно он выше глупцов-гедонистов. С другой стороны усердная деятельность требует веры в определённые идеалы, выходящие за пределы человеческого «Я», и твёрдой жизненной позиции. В определённой мере слепая вера во что бы то ни было то же является проявлением глупости согласно Роттердамскому или философам экзистенциалистам (Альбер Камю, пьеса «Носороги»). В любом случае описываемый нами тип героя не обладает подобными качествами, поэтому он не может реализоваться ни в труде, ни в творчестве. В этом плане Дон-Кихот также является противоположностью «Гамлету», будучи человеком, твёрдо верующим в свои идеалы, он способен на самопожертвование, авантюры, проявление доблести и отваги.

Рассмотрим традиции в более узкой временной перспективе, опишем отсылки из текста Абрамова на творения других авторов. Рассказ начинается с упоминания канареек: «У окна запели канарейки, с некоторого времени я начинаю наслаждаться их пением...». Данная деталь является отсылкой к рассказу Ивана Сергеевича Тургенева «Гамлет Щигровского уезда». В сцене, где Василий Васильевич, «Тургеневский Гамлет» начинает испытывать чувство любви, канарейка трещит и чирикает. Эта деталь крайне важна потому как канарейка более пяти веков считалась символом домашнего уюта. После смерти Софьи пения больше нет.

Так же отсылкой к уже упомянутому рассказу Ивана Сергеевича является и само название произведения Абрамова «Гамлеты - пара на грош». Так Иван Васильевич самоуничижительно отзывается о тех людях, которые как и он «потеряли» себя в жизни, то есть не нашли ни своего призвания ни создали крепкой семьи.

Описанные качества героя гамлетовского типа характерны для всех представленных произведений на эту тему. Кроме того, одной из основных деталей является вызванная выпадением из «систем» внутренняя, метафорическая смерть героя. Все Гамлеты переживают смерть души раньше, чем кончину тела. В этом и заключается трагичность данного образа.

Часть вторая. Новаторства Я. В. Абрамова в изображении героя гамлетовского типа.

Исследуя творчество Я. В. Абрамова следует понимать, что перед нами не только лишь писатель, освещающий проблемы своего времени. Как пишет В. М. Головкин в статье

«Русский идейный человек» в изображении Якова Абрамова», Яков Абрамов - «идеолог демократического просветительства». Поэтому в творчестве рассматриваемого нами автора следует искать твёрдый идеологический фундамент, на основании которого будет построена методология исследования. Доктор исторических наук, профессор МПГУ Евгений Юрьевич Спицын утверждает, что идеология вытекает из диалектики, поэтому в данной работе будет использован метод литературной герменевтики для поиска глубинных смыслов и воссоздания мировоззренческой базы, которую усердным трудом создавал для нас Яков Васильевич.

Обратимся к тексту произведения. С первых строк мы узнаём, что произведение представляет из себя рукопись, автор которой зачастую пишет воспоминания о тех моментах когда он вспоминает. Эта художественная рекурсия имеет крайне важное значение. Во-первых, она сразу настраивает нас на процесс понимания мыслей и чувств персонажа выпавшего из всех видов жизни, политической, культурной, семейной. Во-вторых, такой глубокий уход в абстракции сразу погружает читателя на достаточную философскую глубину.

Продолжая изображение внутреннего мира главного героя, необходимо отметить, что он не относится к тем людям, про которых философы Мартин Хайдеггер или Александр Гельевич Дугин поставили бы диагноз *benommenheit* (нем. головокружение), то есть несистематизированность, непоследовательность мысли. Дело в том, что «Гамлет» Абрамова является носителем редкого типа мировоззрения, он мыслит не отдельными фактами, а системами, русский философ Иван Ильин называл это «цельное мирозерцанье». В частности известные на момент написания рассказа идеологии названы «системами», Яков Васильевич Абрамова представляет идеологию не как список лозунгов из манифеста, а как упорядоченную, цельную философскую концепцию с самобытной диалектикой, ибо, как уже было упомянуто, без диалектики нет идеологии.

Парадигма философской систематизации проходит через всё произведение.

Диалектические системы были не просто названы в рассказе, но так же были прощупаны методологические основы для их поиска и осмысления. Так Следует упомянуть воспоминания абрамовского «Гамлета» о размышлениях у муравейника. Герой задавался вопросом смысла отдельных действий и смысла жизни глядя сверху вниз на копошащихся насекомых и думал о том, что для Высшего разума суэта людей на городских площадях кажется если уж не бессмысленной, то совсем незначительной вознёй. данная деталь является новаторской, так как классический Гамлет согласно Тургеневу является атеистом. Вопросы смысла жизни, цели страданий и самого существования являются для данного типа личности насущными и создают одну из основных эсхатологических проблем текст. Тут

следует отметить мастерство Якова Васильевича: с какой лёгкостью, с филигранной точностью он задаёт философские вопросы на литературном языке! Какие яркие и живые пейзажи идут бок-о-бок поразительной глубиной мысли!

В продолжение анализа идеологических воззрений героя гамлетовского типа следует вспомнить критику героем «последовательных марксистов». Дело в том, что последние отошли от идей Карла Маркса, основанных на равенстве и справедливости (Маркс опирался на труды Георга Людвиг фон Маурера в своих воззрениях на первобытно-общинный строй). «Последовательные марксисты», напротив, отказываются от идеи справедливости, утверждая, что для построения коммунизма необходимо сперва пройти через становления капитализма со всеми видами свойственного капиталистическому строю угнетения трудящихся. Это привело к искажению идей Маркса и отклонению к социал-дарвинизму, с его представлениями о обществе как о природной среде, конкурентной и жестокой, или даже к уходу к ницшеанству с его лозунгом «падающего подтолкни». Подобная интерпретация идей Карла Маркса по мнению героя рассказа Якова Васильевича приводит к деформации всей «системы».

Прибегнем также к культурно-историческому методу при анализа данного произведения. Оно было издано в либерально-народническом журнале «Устой» в 1882 г.. В это время на протяжении уже почти двух лет проходили реформы Александра III, вступившего на престол в марте 1881 г.. Император был консерватором по своим убеждениям и с самого начала правления отменял многие указы отца, имевшие либеральную направленность. Разумеется, что часть интеллектуальной интеллигенции, являющаяся носителем либеральных идей, негативно отнеслась к данному направлению политики государя. Как утверждает социолог Сергей Переслегин, одно из свойств любой системы - это стремление к сопротивлению внешним воздействиям. Соответственно и русские западники усилили противодействие консерватизму, что отражалось первоочерёдно в литературе, являющейся «идеологическим тараном» либералов, ведь, как известно, «словом можно полки за собой повести». Вопрос исторического контекста крайне важен, дело в том, что история как наука оказывает влияние на идентичность человека, об этом говорят и пишут А. Г. Дугин, С. Б. Переслегин, К. П. Петров. С точки зрения философии (А. Камю, К. П. Петров, Ф. Ницше) в физической реальности прошлого нет, оно существует лишь в виде наших воспоминаний о нём. Соответственно история воссоздаёт представления людей о прошлом, которое формирует мировоззрение человека в настоящем. Это один из сильнейших инструментов формирования общественного сознания. Именно поэтому историко-культурный контекст имеет принципиально важное значение в рассказе Якова Васильевича Абрамова.

Рассматривать исторический контекст можно так же в политической плоскости. В 1881 году в правительственном постановлении указывалось, что "предоставление освобожденному крестьянству широкой возможности переселения в Сибирь разовьет среди них вредную подвижность и бродяжничество" и что крестьяне будут предъявлять "непомерные требования относительно пособий и ссуд". Эти события нашли отражение в рассказе. Описывая отношение коренного населения юга Российской империи к переселенцам из других губерний, автор показывает жестокость нравов, царившую в казацком сословии. Особенно ярко этот порок общества контрастирует на фоне доброго отношения к друг другу среди коренного населения станицы. Проявления этой озлобленности к чужакам с одной стороны указывает на недостатки системы образования в сфере нравственного воспитания учащихся, с другой стороны это явление указывает на свойство «систем» агрессивно сопротивляться вмешательству чужеродных элементов извне. Мы привели множество интерпретаций описанных в рассказе событий. Подобно тому, как Пятикнижие Моисеево имеет четыре уровня понимания текста, на последнем из которых множество трактовок сплетаются в один метафизический смысл, творение Якова Васильевича так же глубинно и многослойно и только по одному этому критерию заслуживает того, чтобы отнести его к числу книг о вечном, хранящих в себе сложнейшие философские, этические и эстетические воззрения на бытие.

Продолжая системный анализ, следует помнить, что мы имеем дело с автобиографичным произведением. Яков Васильевич учился в Ставропольской гимназии и знает то, каким образом система образования формирует личность ученика, его молодую душу. В произведении методики, применяемые в гимназии и в станичной школе разнятся. Городское образование описано как предельно деспотичное, ломающее учащегося, его дух и умение самостоятельно мыслить. Методика преподавания в станице Петровской описана как диаметрально противоположная: больше свободы, мотивации к учёбе, образование построенное на изучение реальных вещей и явлений, а не абстракций. В современной научно-популярной литературе такой подход описан либеральным психологом Михаилом Ефимовичем Литваком. Но нужно помнить, что либерализм по словам социолога Сергея Георгиевича Кара-Мурзы построен на материалистическом философском базисе. Представления же Якова Васильевича о реальности являются более сложными. Для понимания смыслов Абрамова следует искать корни в научной методологии. Сергей Борисович Переслегин делит научные подходы на периоды. До 50-х гг. XX в. исследователь оценивался как субъект, а то, что исследуется, было названо объектом. В начале XX столетия этот подход начинает сменяться на представление о реальности, как о системе, уместно вспомнить ноосферу Владимира Ивановича Вернадского. Именно это глубокое

представление о мире, опережая философскую мысль доносит до нас Яков Васильевич. Он указывает, что в гимназии учитель относится к ученику, как к объекту, который обязан испытывать внешние воздействия. В станичной школе учебный коллектив представлен так, что в нём читаются черты самоорганизующейся системы: её элементы обладают субъектностью, то есть свободой воли (сцена, где дети по собственной инициативе топят печь)(нужно помнить, что Иван Сергеевич считал свободу воли и свободу мысли основными видовыми отличиями человека). Кроме того, казачьи дети проявляют способность системы отторгать чужеродные элементы (сцена, где местные дети закидывают грязью детей переселенцев). Данная деталь показывает, что Яков Васильевич более чем на 70 лет опередил ход мировой научной мысли, что указывает нам на необходимость исследования трудов этого выдающегося идеолога.

Заключение

Герой Гамлетовского типа в рассказе Якова Васильевича Абрамова является не просто персонажем, а крайне сложным и продуманным идеологическим явлением. Автор собрал воедино множество «систем», упорядочив их самобытной диалектикой. В контексте исторической и культурной ситуации в России описаны марксизм, зачатки экзистенциальной философии, классическое образование и образование с либеральными элементами, традиционное казачье общество, мещанские нравы. Палитра красок и смыслов чрезвычайно богата подобно Ивану Сергеевичу Тургеневу Яков Васильевич не является в чистом виде последователем ни одной из систем. Его подход синергичен и синкретичен. Картина Мира Абрамова удивительно сложна и может быть сложена в самобытную систему. В современной России, в условиях, когда идеология запрещена, но её струйки прорываются, как сквозь плотину конституции, особенно важно изучать и анализировать деятельность отечественных мыслителей и идеологов таких как Яков Васильевич Абрамов.

Библиографический список

1. Абрамов Яков Васильевич Гамлеты - пара на грош / Я. В. Абрамов. - Ставрополь: журнал «литературное Ставрополье» комитет Ставропольского края по массовым коммуникациям, 2013. - С. 197-224.
2. Головкин Вячеслав Михайлович Дихотомия созерцательного и действенного отношения к миру в онтологии человеческой жизни И. С. Тургенева / В. М. Головкин. - Ставрополь: СКФУ, 2020. - 28 с.
2. Головкин Вячеслав Михайлович «Русский идейный человек» в изображении Якова Абрамова / В. М. Головкин - Ставрополь: журнал «литературное Ставрополье» комитет Ставропольского края по массовым коммуникациям, 2013. - С. 195 - 197.
3. Дугин Александр Гельевич Ноомахия. Том I / А. Г. Дугин. - М.: Академический проект, 2019. - С. 12-18.
3. Кара-Мурза Сергей Георгиевич курс лекций «Кризисное обществоведение» / С. Г. Кара-Мурза. - М.: центр проблемного анализа и государственного-управленческого проектирования, 2011. - С. 56 - 77.
4. Литвак Михаил Ефимович 5 методов воспитания детей / М. Е. Литвак. - М.: Москва, 2020. - 304 с.
5. Роттердамский Эразм Похвала глупости / Э. Роттердамский. - М.: Флинта, 2019. - 198 с.
6. Тургенев Иван Сергеевич Гамлет Щигровского уезда / И. С. Тургенев. - СПб: журнал «Современник», 1849. - 46 с.
7. Тургенев Иван Сергеевич статья-речь «Гамлет и Дон-Кихот» / И. С. Тургенев. - СПб: журнал «Современник», 1860. - 39 с.
8. Чехов Антон Павлович «Гамлет» на Пушкинской сцене / А. П. Чехов. - М.: Наука, 1979. - 28 с.
9. Шекспир Уильям Трагическая история о Гамлете, принце Датском / У. Шекспир. - М.: Москва, 2012. - 153 с.